

Р

РУССКИЙ
СБОРНИК XXXII

О. Г. Казак

АНТИГИТЛЕРОВСКАЯ КОАЛИЦИЯ-1939:
ФОРМУЛА ПРОВАЛА:

сб. ст. / Под общ. ред. В. Ю. Крашенинниковой; отв.
ред. О. Г. Назаров. М.: Кучково поле, 2019. 336 с.

Сборник статей «Антигитлеровская коалиция-1939: Формула провала» представляет собой удачную попытку коллектива авторов уточнить причины неспособности европейских стран выстроить действенную систему коллективной безопасности весной — летом 1939 г. На основе анализа широкого круга источников истории из России, Беларуси, Канады представили точную и подробную картину событий тех месяцев. В фокусе внимания учёных находятся не только позиции ведущих европейских держав (Великобритания, Франция, СССР, Германия), но и тенденции внешней и внутренней политики таких стран, как Польша, Финляндия, Латвия и др. Без понимания последних невозможно дать исчерпывающий ответ на вопрос о причинах падения в бездну Второй мировой войны.

Открывает сборник обзорная статья ответственного редактора издания О. Назарова. Автор утверждает, что одной из главных причин неудачи переговоров между СССР, Великобританией и Францией, последовавших после окончательной ликвидации чехословацкой государственности в марте 1939 г., стало нежелание лидеров западных государств лично встречаться с И. В. Сталиным и рассматривать СССР в качестве равноправного партнёра¹.

¹ Назаров О. Сто дней до войны // Антигитлеровская коалиция-1939: Формула провала : сб. ст. М., 2019. С. 10.

Представляет интерес оценка О. Назаровым советско-германского пакта о ненападении (23 августа 1939 г.). Польша, на политическом руководстве которой лежит немалая вина за крах проекта антигитлеровской коалиции, попросту проигнорировала данный документ. Схожая реакция наблюдалась и в других западных странах. Зато в наше время советско-германский договор рассматривается многими западными историками и «лидерами общественного мнения» как главная причина Второй мировой войны. Привычными стали призывы к России как правопреемнице СССР «покаяться» за «делку с Гитлером». О. Назаров справедливо отмечает: «К тому времени пакты о ненападении с гитлеровской Германией уже имели Великобритания, Франция, Дания, Латвия, Литва и Эстония. Примечательно, что каяться за это никто из них никогда не собирался и не собирается»².

Статья одного из крупнейших современных специалистов по истории Чехословакии В. Марьиной «Расчленение Чехо-Словакии (март 1939 г.): реакция в мире» логично дополняет материалы, представленные в сборнике «Мюнхен-1938: Падение в бездну Второй мировой», ответственным редактором которого также являлся О. Назаров. В результате ликвидации чехословацкой государственности был образован подконтрольный Берлину Протекторат Богемии и Моравии, в состав которого входили преимущественно чешские земли, Словакия получила формальную независимость (де-факто ее внутренняя и внешняя политика была подчинена интересам Германии), большая часть Подкарпатской Руси была оккупирована Венгрией (южные регионы Подкарпатской Руси и Словакии вошли в состав Венгрии в ноябре 1938 г. по итогам Венского арбитража). Позиция СССР, осудившего действия Германии, была наиболее четкой и последовательной. В нотах протеста Великобритании и Франции осуждалась не сама агрессия против суверенного чехословацкого государства, а нарушение А. Гитлером обещаний, данных в Мюнхене. В. Марьиная, ссылаясь на многочисленные документы (прежде всего дипломатического характера), демонстрирует высокую степень возмущения, которое царило в общественном мнении западных стран. Политическая элита, однако, крайне медленно и неохотно преодолевала «психологию умиротворения», при этом перспекти-

² Назаров О. Сто дней до войны. С. 14–15.

ва повторной актуализации поиска договорённостей с Берлином отнюдь не сбрасывалась со счетов. В. Марьина приводит весьма точные слова экс-президента Чехословакии Э. Бенеша: «Следует с болью констатировать, что западно-европейские демократии вообще не понимали, о чем идёт речь, не только во время мюнхенского кризиса, но и весь следующий год до войны»³.

Для более полного понимания процессов, сопровождавших расчленение Чехо-Словакии, будет полезно обратиться к анализу ситуации в Подкарпатской Руси (в статьях сборника этот сюжет упоминается). Данный регион, входивший в состав Чехословакии в межвоенный период, являлся ареной столкновения нескольких национальных проектов, активисты которых боролись за умы местного восточнославянского населения (русинов). С октября 1938 по март 1939 г. фактическую власть в регионе осуществляло автономное правительство украинофила А. Волошина (в 2002 г. ему было посмертно присвоено звание «Герой Украины»). Данный период характеризовался установлением авторитарного режима, политическими репрессиями, главной мишенью которых являлись местные русофилы, всевластием парамилитарной организации «Карпатская Сечь», в функционировании которой принимали участие многие деятели украинского националистического движения, в частности, Р. Шухевич. А. Волошин и его сподвижники не скрывали своей ориентации на гитлеровскую Германию, которая рассматривалась как гарант будущей «Соборной Украины»⁴. В условиях окончательного краха чехословацкой государственности руководство автономного образования во главе с А. Волошиным провозгласило независимость Карпатской Украины и обратилось к Берлину с предложением взять над ней протекторат. Особая надежда возлагалась на руководителя президентской канцелярии, влиятельного политика времён Веймарской республики и Третьего Рейха О. Мейснера. Однако телеграмма в его адрес осталась без ответа. Также было проигнорировано и обращение лидера Организации украинских националистов

³ Марьина В. Расчленение Чехо-Словакии (март 1939 г.): реакция в мире // Антигитлеровская коалиция-1939. С. 35–38.

⁴ Шевченко К. Мюнхенский сговор 1938 г. как катализатор насильственной украинизации русинов Чехословакии // Мюнхен-1938: Падение в бездну Второй мировой: сб. ст. / Под общ. ред. В. Ю. Крашенинниковой; отв. ред. О. Г. Назаров. М., 2018. С. 178–192.

А. Мельника непосредственно к А. Гитлеру. В телеграмме содержались следующие пассажи: «Просим Вас принять протекцию над молодым украинским государством, которое является первым видимым выражением немецко-украинского сотрудничества в борьбе против большевизма»⁵. Руководство Германии, умело разыграв «украинскую карту» для окончательной дестабилизации ситуации в Чехословакии, отдало предпочтение более важному для себя союзнику — хортистской Венгрии. Но даже после событий середины марта 1939 г. лидеры украинских националистов сохраняли определённые надежды на помощь Германии. С потенциальным союзником их связывала схожесть многих идеологических постулатов (национализм, антисоветизм, антисемитизм). Около 40 000 человек проукраинских взглядов после установления венгерской власти в Подкарпатской Руси покинули регион. Большинство из них оказалось на территориях, так или иначе контролируемых Третьим Рейхом. Показательно, что многие украинофилы продолжали действовать в интересах Германии. В частности, весной — летом 1939 г. эмигранты из Подкарпатской Руси под руководством Ю. Ревая активно участвовали в антипольской информационной кампании на венском радио⁶.

Центральной темой сборника стала позиция западных государств (прежде всего Великобритании и Франции) в переговорах о контурах системы коллективной безопасности, которые велись с СССР до августа 1939 г. Данной проблематике посвящены работы А. Иванова («Европейский кризис 1938–1939 гг. и внешняя политика Великобритании»), М. Мельтюхова («Англо-франко-польская коалиция против Германии в 1939 г.»; «Советский Союз, Германия и политический кризис 1939 г.»), М. Дж. Карлея («История провала: англо-франко-советский альянс, которого не было, и неопубликованная белая книга британского правительства, 1939–1940 гг.»), М. Богданова («Предвоенный политический кризис глазами «Кембриджской пятерки»). На основе разнообразного источникового материала (в том числе впервые введённых в научный оборот архивных документов, материалов личного происхождения) авторы статей с поразительной

⁵ *Tilkovszky L. Revízió és nemzetiségpolitika Magyarországon (1938–1941). Budapest: Akadémiai Kiadó, 1967. 177. old.*

⁶ *Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára. Fond K 149. 211. cs. 1939. 9. t.*

точностью реконструируют обстановку в Европе весной — летом 1939 г. Ученые приводят многочисленные свидетельства того, что западные политические элиты (за исключением их отдельных представителей, которые не определяли внешнюю политику своих стран) не собирались заключать реальных договорённостей с СССР. Переговоры были бесперспективными с самого начала, велись западными странами для недопущения советско-германского сближения и успокоения общественного мнения⁷. М. Дж. Карлей считает вполне точной характеристику, которую дал Нарком по иностранным делам М. М. Литвинов на совещании с участием И. В. Сталина 21 апреля: «Я отнюдь не считаю исключением..., что Чемберлен ведет переговоры с СССР только под давлением оппозиции, некоторой части консерваторов и общественного мнения»⁸. В мае 1939 г. Великобритания и Франция не скупилась на обещания военной помощи Польше в случае нападения Германии (это было заведомым обманом, поскольку никаких наступательных действий на западе Германии англо-французское командование не предусматривало) и в то же время зондировали почву для сближения с А. Гитлером. Летом 1939 г. Лондон по конфиденциальным каналам неоднократно предлагал Берлину раздел «сфер интересов» и невмешательство в дела друг друга. В ходе франко-германской переписки в июле 1939 г. Франция заявляла, что поддерживает Польшу в случае нападения на нее, но при этом проинформировала Германию, что эти заявления предназначаются лишь для успокоения французской и польской общественности⁹. Таким образом, из-за позиции Великобритании и Франции идея антигитлеровской коалиции летом 1939 г. была нереализуемой.

Интерес представляет статья М. Мельтюхова «Англо-франко-польская коалиция против Германии в 1939 г.». Автор приводит статистические данные, которые убедительно свидетельствуют, что при наличии политической воли Великобритания и Франция имели все возможности оказать действенную военную помощь

⁷ Иванов А. Европейский кризис 1938–1939 гг. и внешняя политика Великобритании // Антигитлеровская коалиция-1939. С. 139–141.

⁸ Карлей М. Дж. История провала: англо-франко-советский альянс, которого не было, и неопубликованная белая книга британского правительства, 1939–1940 гг. // Антигитлеровская коалиция-1939. С. 181.

⁹ Мельтюхов М. Советский Союз, Германия и политический кризис 1939 г. // Антигитлеровская коалиция-1939. С. 248, 253, 256.

Польше и выполнить взятые на себя обязательства перед этой страной. Вместо этого «союзники» продолжали давать ничем не подкреплённые обещания «помощи в самое ближайшее время» (позже они трансформировались в заверения «подготовить наступление на широком фронте в 1941 или 1942 гг.»). В момент военной катастрофы польские представители в Великобритании и Франции, тщетно пытавшиеся донести свою позицию и «вымолить» у западных держав ими же обещанную помощь, столкнулись с обструкционистской позицией Лондона и Парижа. Показательны слова французского главнокомандующего генерала М. Гомелла: «Польский военный атташе продолжает нам надоедать!»¹⁰.

Ряд статей сборника посвящен различным аспектам внутренней и внешней политики межвоенной Польши. Внимание к этой стране неслучайно, ведь именно позиция Польши во многом способствовала провалу антигитлеровской коалиции. Д. Буневич приводит к аргументированному выводу: «Несомненно, провал англо-франко-советских переговоров в Москве имел много причин, но именно позиция Польши и ее отказ даже обсуждать вопрос о проходе Красной армии делал практически невозможным заключение полноценного и равноправного соглашения, направленного на усмирение германской агрессии. А если предположить, что западные державы и не слишком стремились к достижению компромисса с СССР, то польская позиция давала им прекрасную возможность сорвать переговоры чужими руками. Косвенно эта польская непреклонность играла и в пользу планов Гитлера избежать перерастания германско-польского конфликта в общеевропейский — внешнеполитическая линия Варшавы лишала ее реальных союзников»¹¹.

Статья белорусского историка А. Киселева представляет собой детальный анализ польской общественно-политической прессы кануна войны. «Создатели польского общественного мнения», несмотря на существовавшие между ними идеологические разногласия, соревновались друг с другом в акцентировании внимания на якобы имевшей место чрезвычайной геополитической важно-

¹⁰ Мельтюхов М. Англо-франко-польская коалиция против Германии в 1939 г. // Антигитлеровская коалиция-1939. С. 152–154.

¹¹ Буневич Д. Польша весной и летом 1939 г. // Антигитлеровская коалиция-1939. С. 50.

сти Варшавы, ее способности вести диалог с ведущими странами на равных или даже с позиции силы. Автор резонно замечает, что польская пресса воспринимала события кануна войны в большей степени «через призму идеологических оценок, чем рационалистического анализа интересов участников международных отношений. При этом в англо-французских односторонних гарантиях Второй Речи Посполитой польские авторы увидели лишь признание политического значения Польши как главного партнера западноевропейских держав на востоке Европы»¹².

Актуальной сегодня является статья К. Шевченко «Картина варварства и глупости»: белорусское и украинское меньшинство II Речи Посполитой в конце 1930-х гг.». Ученый на богатом фактологическом материале анализирует основные стратегии национально-культурной политики Польши в отношении восточнославянских меньшинств: жесткая ассимиляция (этот вектор был определяющим, в особенности в осуществлении политики в отношении белорусов), локальные региональные проекты, направленные на недопущение участия местного населения в «широких» национальных движениях (политика в Полесском воеводстве В. Костек-Бернацкого и «волинский эксперимент» воеводы Г. Юзефского), использование церкви (в первую очередь католического костела) в целях полонизации жителей региона¹³. К. Шевченко убедительно доказывает, что представление о белорусах (в особенности) и украинцах как об «этнографическом материале», пригодном лишь для полонизации, не только господствовало в польской публицистике, но и находило воплощение в самых разнообразных практиках. Следует отметить, что многие современные белорусские исследователи солидарны с выводами автора анализируемой статьи. В конце 2021 г. была опубликована коллективная монография ученых Института истории Национальной академии наук Беларуси «Рижский мир в судьбе белорусского народа: 1921–1953 гг.». В историко-документальном очерке анализируются различные аспекты положения белорусского населения в составе межвоенной Польши. Приведем красноречивый отрыв-

¹² Киселев А. Внешняя политика Польши накануне Второй мировой войны на страницах польской печати // Антигитлеровская коалиция-1939. С. 72.

¹³ Шевченко К. «Картина варварства и глупости»: белорусское и украинское меньшинство II Речи Посполитой в конце 1930-х гг. // Антигитлеровская коалиция-1939. С. 53–68.

вок из документа «Аналитическая записка о положении национальных меньшинств и политике польских властей в этом вопросе в Виленском воеводстве» 1938 года, опубликованного в сборнике: «Все национальные группы на территории Виленского воеводства, как и вообще на всех восточных землях, имеют более низкий культурный уровень, чем польское население, также они располагают меньшим количеством кадров интеллигенции. Далее, все их национальные культуры представляют собой смесь российских наслоений на основу польской культуры, на основании которой они возникли и развились. ... Каждая акция в каждой области должна быть тесно связана с распространением колонизации и тем самым должна привести к реализации основополагающей цели укрепления и развития польского достояния в материальном и нематериальном смысле и косвенно облегчить ход ассимиляционных процессов, выгодно изменяющих национальную культуру»¹⁴.

К 1939 г. польские власти фактически ликвидировали легальное образование на белорусском языке, официальная сеть просветительских учреждений становилась инструментом колонизации и не пользовалась популярностью у жителей региона. Белорусское население находилось в состоянии культурной деградации, переломить эту ситуацию власти не могли, а часто и не считали нужным. Приведем несколько выдержек из информационных отчетов, которые составлялись функционерами Коммунистической партии Западной Белоруссии в 1930-е гг. в Полесском воеводстве — наиболее отсталом в культурном и социально-экономическом плане регионе «восточных окраин» и всей Польши: «До слез становится обидно, когда смотришь на нашу молодежь, на детей, которые ни читать, ни писать не умеют и хоть молоды, как слепые ходят по свету. ... Наш край сделали ссылайкой, каторгой, трупобой дикого террора, построили в Картуз-Березе концлагерь¹⁵. ... Газет крестьяне выписывать не могут. Осмелится кто-либо выписать газету (любую), то приходит полиция и спрашивает, что в ней написано. Сбивает и приказывает не выписывать¹⁶. ... В деревне Хоро-

¹⁴ Рижский мир в судьбе белорусского народа: 1921–1953 гг. Кн. 1. / Редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. Минск : Беларусь, 2021. С. 459.

¹⁵ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 242 п. Оп. 2. Д. 541. Л. 37.

¹⁶ Там же. Л. 56.

шово (близ Пружан) заядлый полонизатор-учитель организовал «светлицу», куда приезжали разные инструкторы и делали доклады. ... Во время докладов был такой шум, свист, что он [выступающий] вынужден был бросить, а потом ребята устраивали массовку или обговаривали свои дела. ... Через 1,5 месяца сами эту «светлицу» ликвидировали¹⁷ ... Полиция заинтересована в пьянстве молодежи, драках, лишь бы не занималась политикой»¹⁸.

К. Шевченко уделяет особое внимание «полесскому сюжету». В межвоенное время в данном регионе проводилась политика, направленная на блокирование участия населения в белорусском и украинском национальных движениях, «вытравливание» прорусских симпатий. Умеренная поддержка локальной идентичности была лишь инструментом для последующей полонизации жителей края. Интересно, что подобную национально-культурную политику проводили власти хортистской Венгрии в Подкарпатской Руси в 1938–1944 гг. Политические элиты, опиравшиеся на склонных к конформизму представителей интеллигенции региона, предпринимали активные меры по конструированию локальной русинской идентичности жителей восточнославянской окраины Венгрии и блокированию их участия в русофильском и украинофильском национальных проектах, представлявших опасность для Будапешта ввиду их явной политической окраски. Несмотря на всемерную материальную поддержку краевой администрации, представители русинофильского направления не пользовались симпатией восточнославянского населения Подкарпатской Руси. Это объяснялось, прежде всего, подчеркнутой демонстрацией русинофилами своей верности венгерскому режиму, который у большинства восточнославянских жителей региона ассоциировался с имевшими место в реальности мадьяризаторными мероприятиями, их неспособностью грамотно решить важнейшие проблемы общественной и культурной жизни края¹⁹.

В сборнике представлен анализ позиций «малых» стран накануне Второй мировой войны. В. Симиңдей констатирует втягивание Латвии и Эстонии во внешнеполитическую орбиту Берлина,

¹⁷ НАРБ. Ф. 242 п. Оп. 2. Д. 477. Л. 17.

¹⁸ НАРБ. Ф. 242 п. Оп. 2. Д. 481. Л. 7.

¹⁹ Казак О. Г. Этнокультурное развитие восточнославянского населения Подкарпатской Руси в условиях венгерской оккупации (1939–1944 гг.): дисс. ... к. ист. н., 07.00.03. Минск, 2017. Л. 13.

«(без)вольное соучастие Риги и Таллина в германском дипломатическом наступлении весны — лета 1939 г.»²⁰. В статье В. Барышникова представлен подробный разбор внешнеполитического курса Финляндии. Демонстративное позиционирование этой страной себя в качестве возможного союзника Германии вызывало вполне логичную тревогу в СССР. В Москве могли опасаться использования Финляндии Германией. Этим объясняется причина направленности секретного протокола к советско-германскому договору, согласно которому Финляндия и другие страны Прибалтики признавались Германией в качестве зоны интересов Советского Союза. Общественным мнением Финляндии договор был воспринят как «предательство со стороны Берлина»²¹. В очередной раз проявилась закономерная тенденция: находившаяся в плену иллюзий о геополитической значимости своей страны политическая и интеллектуальная элита вместо объективного анализа собственных действий и исправления допущенных ошибок поспешила возложить вину за случившееся на «сильных мира сего».

На «дипломатические игры» в Европе весной — летом 1939 г. немаловажное влияние оказывали события на Востоке. Статья А. Кошкина посвящена сложным советско-японским отношениям накануне Второй мировой войны. Западные державы и в этом регионе мира не сделали ничего для сдерживания агрессивных действий одной из стран. В наиболее трудный начальный период японо-китайской войны помощь США и Великобритании Китаю была символической. А Лондон и вовсе 22 июля 1939 г., в разгар халхингольских событий, заключил соглашение с Токио, согласно которому были фактически признаны японские захваты в Китае²². Автор приводит документальные свидетельства того, что столкновение Японии с СССР на р. Халхин-Гол было спланированной акцией японского политического и военного руководства, а не серией локальных пограничных инцидентов, как утверждает официальная японская историография. Военная авантюра Токио имела несколько целей: заставить СССР отказаться от во-

²⁰ Симиндей В. Прибалтика-1939: пакты с Гитлером // Антигитлеровская коалиция-1939. С. 110.

²¹ Барышников В. Политический кризис 1939 г. и Финляндия // Антигитлеровская коалиция-1939. С. 121–124.

²² Кошкин А. «На границе тучи ходят хмуры...»: СССР и Япония накануне Второй мировой войны // Антигитлеровская коалиция-1939. С. 214.

енной помощи Китаю, получить козырь в дипломатической игре с Западом, вынудить США отказаться от применения экономических санкций²³. Военный успех СССР на р. Халхин-Гол и подписание пакта о ненападении с Германией, который был воспринят в Токио как «вероломство и предательство», позволил Москве на время обезопасить себя от полномасштабной войны на два фронта.

В одной из статей М. Мельтюхова представлено детальное источниковедческое исследование доступных ныне немецких и российских изображений документов советско-германского договора о ненападении и секретного протокола к нему. Не ставя под сомнения имевший место временный консенсус касательно сфер интересов обоих государств, М. Мельтюхов считает, что он «юридически не нарушал никаких договоренностей Германии или СССР с третьими странами»²⁴. Рассматривать советско-германский пакт о ненападении как некое сверхординарное для того времени соглашение, трактовать его как главную причину начала Второй мировой войны в корне неверно.

В Приложении сборника публикуются документы, предоставленные Историко-документальным департаментом Министерства иностранных дел Российской Федерации. У профессиональных историков и широкой общественности появилась возможность сравнить российские и немецкие визуальные образы важнейших советско-германских документов 1939 г.

Таким образом, в сборнике статей «Антигитлеровская коалиция-1939: Формула провала» представлены аргументированные опровержения клеветнических и явно ангажированных обвинений СССР в развязывании Второй мировой войны. Книга может представлять интерес историкам, экспертам, журналистам, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей Европы и Второй мировой войны.

²³ Кошкин А. «На границе тучи ходят хмурые...»: СССР и Япония накануне Второй мировой войны. С. 217–223.

²⁴ Мельтюхов М. Советско-германские документы августа 1939 г.: проблемы источников // Антигитлеровская коалиция-1939. С. 291–292.